

А.К. АДЖИНИЯЗОВА
(Махачкала)

**К ВОПРОСУ О ЗАБЫТЫХ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ
НОГАЙЦЕВ В ЧЕРНОМОРИИ
В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.**

На основе научной литературы и многочисленного документального материала рассматривается история населенных пунктов ногайцев на Кубани и Крымском полуострове исследуемого периода.

Ключевые слова: *Россия, Турция, Крым, Кубань, ногайцы, поселения, города.*

В силу таких обстоятельств, как постоянное перемещение номадов-ногайцев в прошлом, неполные археологические исследования Кубани и Крыма позднего средневековья, отсутствие специальных этнографических исследований, направленных на воспроизведение этнической карты региона, в истории основательно не освещены ногайские поселения XVIII–XIX вв. на территории современного Краснодарского края и побережья Черного моря в целом. В своих работах европейские путешественники XVIII в. К. Пейсонель [7, с. 332–342], И. Тунманн [12, с. 391–400] лишь поверхностно писали о ногайском городе-крепости Ени-Копыл. Историк начала XX в. П.П. Короленко чуть более подробно, опираясь на архивные документы, писал о ногайских поселках Ады, Новоджерьевском [4, с. 99, 100; 5, с. 73–100]. Е.Д. Фелицын [13, с. 20–22; 14, с. 12] упоминал в своих работах о ногайских поселениях, причем более основательно описывал площадь города, наличие караван-сарая и мечетей. Из современных исследователей можно выделить К.Б. Лопина [6, с. 18–21], который в своих статьях рассматривает ногайское поселение Ени-Копыл на территории современного г. Славянска-на-Кубани Краснодарского края, а также В.В. Грибовского [2, с. 82, 102, 105], исследовавшего город Ногайск, располагавшийся на берегу Азовского моря.

Необходимо отметить: трудность в исследовании истории населенных пунктов ногайцев связана с тем, что мы вынуждены пользоваться лишь историческими источниками, оставшимися от соседних народов, в частности русских. Русская литература и докумен-

тальные данные нередко вводят в заблуждение исследователя тем, что ногайцев, как и других местных жителей, собирательно называли татарами, что создает неудобства в изучении любого вопроса, касающегося истории ногайцев. Достаточно привести фрагмент из Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного между Россией и Османской Портой: «... все татарские народы Крымские, Буджатские, Кубанские, Едисанцы, Жамбуллуки и Едичкулы...» [8, с. 959]. Из текста видно, что ногайские подразделения обобщены и указаны «татарскими народами». Поскольку в Средние века возникали различные татарские государства, то этноним *татары* стал политонимом, это имя распространилось на многие монголо- и тюркоязычные племена.

Известный историк П.П. Короленко писал: «До сих пор, насколько мне известно, никто не занимался изучением этнографического состава населения <...> Кубани. Кроме великоруссов и малороссов <...>, в Черномории обитали и инородцы, главным образом, черкесы и народцы татарского племени (ногайцы. – А.А.)». [5, с. 73] И в данном тексте ногайцы обозначены как татары, хотя в содержании работы подробно описано заселение села Ады ногайцами.

Наибольший интерес из населенных пунктов Кубани для нас представляет ногайское село Ады, которое в силу недочетов исторической науки в некоторых работах указывается как татарское. В данной статье мы постараемся пролить свет на этот вопрос и показать, что село на самом деле было основано и изначально заселено ногайцами.

История села Ады начинается с 1783 г., когда после присоединения Кубанского края к России при намерении правительства переселить ногайцев за Урал ногайцы после бунта ушли в Закубанье. По свидетельствам архивных источников (Кубанский войсковой архив. Дело атаманское 1796 г. № 339) и специальной литературы, известно, что ушедшие за Кубань ногайцы основали там село Ады (другой вариант Адады. – А.А.) на территории черкесов [Там же, с. 89–90]. Взаимоотношения ногайцев и черкесов не всегда были мирными: «черкесы приняли беглецов, но особеннога расположения к ним не оказывали. Ни образ жизни татар (ногайцев. – А.А.) и черкесов, ни характер этих азиатцев – не сходились: первые были кочевники, а последние оседлые жители <...> Из всех горских племен менее всего были расположены к татарам (ногайцам. – А.А.) абазинские черкесы» [Там же, с. 89].

В силу невыгодного положения в Закубанье ногайцы 22 марта 1796 г. в количестве 74 душ перешли на Кубань. Прибывший «мурза Исмаил-ага объяснил, что он жил в закубанской деревне Адады (Ады. – А.А.) с своим семейством <...> но злобные абазинцы <...> напали ночью на деревню, разорили жителей» [1. Л. 9]. В Канцелярии Черноморского казачьего войска в деле войскового атамана Захария Алексеевича Чепиги за 1796 г. «О вышедших из Закубани в пределы Черноморского войска русских пленных, черкес и татар (ногайцев – А.А.)» в рапорте Ольгинского кордона указано, что пойман ногаец с женою, вышедшие «с плена из Закубани» [Там же. Л. 4]. Из показания «вышедшаго с плена от Закубанских черкес ногайца Абдулы» установлено, что «родился он в Крыму. Где жил 20 лет и захвачен черкесами абазинцами, у коих находился по разным хозяинам 12 лет» [Там же. Л. 5]. Из показаний также видно, что Абдула жил у абазин 12 лет, несомненно, это и есть жители села Ады.

Подобным образом от абазин в сентябре 1796 г. на Кубань перебрались еще 67 жителей села Ады «сего течения (сентября. – А.А.) 11 числа с полночи часу в 12 переправившись из Закубани против татарского селения (Ады. – А.А.) ногайцев с женами и детьми всего мужска и женска пола шестьдесят семь душ...» [Там же. Л. 12].

По данным архивных документов, отношения ногайцев с черкесами в эти годы были не всегда дружественными. Этому свидетельствует инцидент, связанный с Анапским пашой и ногайскими мурзами села Ады. Так, согласно рапорту есаула Нестора Справного от 11 ноября 1796 г. за № 441, «...сего течения (ноября. – А.А.) 15 числа переправилось из Закубани пять человек нагайцев, посланных от султана Шам-Мулака с прошением к карантинному смотрителю порутчику Минтарову, чтобы дал им для переправы пришедших с оным султаном к устью реки Кубани, пяти сот мужска и женска пола нагайцев чрез оную Кубань на сию сторону» [Там же. Л. 40], «оные нагайцы объявили ему что они от своих жилищ на сию сторону желают переходить чрез то единственно, что сего султана который их и послал за мунтрамианапский паша, якобы, родным его двум братьям отрубил головы чрез что <...> намеревать на сию сторону переходить» [Там же. Л. 40об.].

В 1803 г. ногайцы в количестве 115 человек во главе мурз Бекира и Бахты Гирея, ушедшие после разорения черкесами ногайского селения Ады, пришли на российские пределы.

В последующем переходы ногайцев из-за Кубани повторялись. Так, к концу 1803 г. ногайцев, перешедших из Закубанья, насчитывалось 465 чел. [5, с. 90].

Ногайцев, пришедших из разоренного селения Ады, в Черномории приняли радушно. Прибывших жителей селения Ады планировалось переселить в Крым, к единоверцам. Выселение в Крым осуществить на деле не удалось, т.к. из-за увеличения своего количества ногайцы основали поселение возле Ахтанизовского лимана. Они успели подготовиться к зиме, заготовить корм для своего скота, поэтому остались там зимовать [Там же, с. 91]. Вопрос о месте заселения ногайцев в Черномории был поднят российскими властями 24 сентября 1804 г., когда император Александр I написал генерал-губернатору Розенбергу, что разрешает вышедшим из-за Кубани ногайцам оставаться на этих землях и переселиться на северо-восточную косу Азовского моря. Уже в 1805 г. ногайцы переселились на указанные земли, где им было выделено «для пользования свободной земли примерно в длину около 30 и в ширину до 20 верст и дано для устройства домов леса из войсковых дач на 1000 подвод» [Там же, с. 92].

В 1823 г. снова был поднят вопрос о переселении ногайцев из войсковых земель, поскольку некоторые из них стали уходить в Закубанье к черкесам и устраивать разорительные набеги на пограничных жителей. Изначально планировалось их заселить на р. Кугое, но генерал Власов решил, что подходящим местом для жительства ногайцев будет место на р. Ясень. Обсуждение этого вопроса растянулось до 1850 г., когда ногайцы «были переселены в Ейский округ на Горькую балку, близ р. Ясеней. Местность эта представляла из себя низменность, покрытую солонцами, с выступающею по временам из почвы горько-соленою водою, по случаю находившихся вблизи соляных озер; пресная же вода добывалась из колодцев» [Там же, с. 95]. Это село было названо Ады, но ногайцы прожили там недолго: уставшие от постоянных переселений, они в 1859–1860 гг. с разрешения главнокомандующего Черноморским войском ушли за Кубань, а оттуда в Султанскую Турцию. «За выходом этим в селении Ады осталось только пять татарских (ногайских. – А.А.) семейств», а село Ады было упразднено [Там же, с. 95].

Новоджерельевский ногайский поселок был основан в 1848 г. из ногайцев, ранее живших в Гривенском черкесском ауле. В Гривенском ауле, кроме ногайцев, проживали черке-

сы, армяне, греки. При внутренних распрях смешанного населения аула мирное жительство было невозможным. По этой причине было образовано новое поселение «из 54 семейств, татар и ногайцев, отделившихся от гривенских черкесов. При этом новым переселенцам на передвижение и устройство на новом месте жительства оказано было вспомоществование со стороны ближайших казачьих станиц. Кроме того, отведено было земли в достаточном количестве наравне с коренными жителями Черномории» [4, с. 99]. Как и село Ады, Новоджерельевский ногайский поселок просуществовал недолго. С начавшимися волнениями в селе Ады и последующим уходом жителей в османские земли в 1859 г. «новоджерельевские мусульмане (ногайцы. – А.А.) пришли в движение» [Там же].

Примечателен тот факт, что особых причин на тот момент для ухода из Закубанья не было ни у жителей села Ады, ни у новоджерельевских ногайцев. Ведь для ногайцев созданы были все условия: были построены новые села, выделены участки для пастбы скота и занятий земледелием, но все же в 1859 г. оба поселения опустели. Ногайцы «обратились с просьбой о выдаче им заграничных паспортов для путешествия в Мекку <...> получивши на руки билеты, забрали свои семейства и более ценное имущество, в числе 115 душ под руководством полковника Шеретлу-Оглу, переправились на левую сторону Кубани, а оттуда ушли в турецкия владения и уже более оттуда не возвращались в Черноморию» [Там же, с. 100]. Как видим, объективной причиной столь быстрого ухода из обустроенных селений стало желание ногайцев жить с сородичами. Таким образом, и Новоджерельевский ногайский поселок опустел.

На месте современного города Славянска-на-Кубани Краснодарского края в XVIII в. располагался ногайский город-крепость Ени-Копыл (в переводе с тюркского «Новый Копыл». – А.А.). Ени-Копыл был расположен в 98 км от Тамани и в 9 км от реки Кубань, что соответствует расположению современного города Славянска-на-Кубани. Численность населения достигала 4 тыс. жителей. В городе было 2 мечети, 5 караван-сараев (гостиниц. – А.А.) и примерно 500 торговых лавок. Купцы с разных регионов России и стран привозили товары на продажу ногайцам и черкесам. Торговля в Ени-Копыле была весьма оживленная, если сравнить количество торговых точек в других городах: в Ени-Копыле было сосредоточено около 500 торговых точек и 5 караван-сараев;

в Тамани же около 100 лавок; в Темрюке – около 15 лавок [24]. Крепость Ени-Копыл была построена на левом берегу реки Протоки сераскиром Селим-Гиреем после разрушения в ноябре 1737 г. города-крепости Копыл (в дальнейшем получившего название *Эски-Копыл*, что означало «Старый Копыл». – А.А.) донскими казаками атамана И. Фролова и кочевавшими неподалеку калмыками хана Дундук-Омбо [9, с. 30–33].

Исходя из исторических данных, Ени-Копыл представлял собой скорее торговую крепость, нежели военную, однако в период Русско-османской войны 1768–1774 гг. в ноябре 1768 г. в городе был сосредоточен отряд янычар Кази-Гирея. По мере развития военных действий турецкие войска покинули вскоре Ени-Копыл, а в 1771 г. из переселенных на Кубань 4 ногайских орд едишкульцы были поселены здесь [3, с. 473].

По сведениям Е.Д. Фелицына, в конце XVIII в. Ени-Копыл представлял собой неровный квадрат общей длиной 811 м. Крепостные стены были из камня, земляной вал имел высоту примерно 7,5 м и был окружен рвом шириной 6,8 м и глубиной 4 м. Крепость имела 7 шестиугольных бастионов, 1 редант и 3 ворот. В центре города располагалась каменная мечеть и 8 деревянных домов. В целом в городе было примерно 40 домов, основными жителями которых были ногайцы. Город имел собственный базар на берегу реки Кумузюн, где торговали ногайцы, черкесы и жители Крыма. Во второй половине XIX в. все еще сохранялись руины крепости Ени-Копыл [14, с. 12].

В 1774–1775 гг. город-крепость Ени-Копыл был втянут в политические события между Россией и Крымским ханством. После завершения Русско-турецкой войны в 1774 г. в Ени-Копыле остановился отряд полковника Бухвостова, затем прибыл Шагин-Гирей, пользовавшийся российской поддержкой и претендовавший на престол Крыма. В 1775 г. сераскир ногайцев Тохтамыш-Гирей-султан с трехтысячным отрядом напал на Ени-Копыл, разрушил его, убил и захватил в плен сторонников Шагин-Гирея. Таким образом, город-крепость Ени-Копыл был разрушен. В последующие годы были попытки восстановления города-крепости Ени-Копыл, которые не увенчались успехом. В 1777 г. Ени-Копыл снова претерпел нападение, на сей раз одного протурецки настроенного закубанского владетеля. Врагу удалось дать отпор только при помощи Одоевского поста [11, с. 11]. И снова ногайцы стали жертвой геополитической игры России, Крымского ханства и Оттоманской Порты.

В дополнение рассмотрим город Ногайск, локализовавшийся в начале XIX в. на берегу Азовского моря. Судьба этого города аналогична судьбе предыдущих населенных пунктов: Ногайск был построен под лозунгом «в кратчайшие сроки обоседлить всех <...> кочевников без причинения им ущерба» [2, с. 82]. По мнению российских властей, строительство города подразумевало переход номадов-ногайцев к оседлости. На наш взгляд, эти мероприятия принудительного заселения ногайцев в города без возможности заниматься скотоводством, как того требовал образ жизни номадов, носили необдуманный характер. Случаи сожжения кибиток ногайцев, чтобы заставить их поселиться в саманных домах, повторялись неоднократно. Весной 1812 г. пристав приазовских ногайцев граф Яков де Мезон, увидев при объезде ногайских селений полупустые дома, приказал сжечь кибитки [10, с. 31–32]. Пристав не задался вопросом о том, почему ногайцы не хотят жить оседло, нет никаких сомнений в том, что пристав даже не удостоился узнать мнение народа.

Мероприятия по оседлости приазовских ногайцев предполагалось начать с манипулирования религиозными чувствами народа. Таврический военный губернатор де Ришелье «хотел использовать закон Магомеда, деспотически пленивший разум его приверженцев, и с этой целью построить постоянные мечети, где муллы призывали бы пять раз в день правоверных к молитве, и тем как бы привязать их к этим священным местам, вынудить к оседлому образу жизни» [16, р. 32]. В общей сложности к маю 1807 г. для ногайцев было построено десять мечетных комплексов, но это не вызвало желание ногайцев бросить свое скотоводческое хозяйство и заселиться в домах [10, с. 29–32]. Помимо религиозной политики, власти предложили другие методы для привлечения ногайцев к оседлости. Наконец, 18 января 1821 г. был издан императорский указ № 28.523 «Об учреждении в Таврической Губернии города Нагайска; о поселении в оном Нагайцев и о даче им льготы на десять лет от всех податей», в котором отмечалось, что ногайцы полностью отошли от кочевания и «водворились прочным образом в устроенных ими селениях»; якобы среди ногайцев есть богатые лица, изъявившие желание поселиться в Обиточном для ведения торговли; что в Обиточном уже функционируют более 60 торговых лавок и «производится внутренний торг разными продуктами»; утверждалось желание на-

рода об учреждении города под названием *Ногайск*. Согласно указу, следовало «город Ногайск учредить на том месте, где существует ныне селение Обиточное, при речке сего имени, впадающей в Азовское море», ногайцев, желающих поселиться в городе, освободить от всех податей. Указ предусматривал свободно торговать представителям купечества и мещанства на территории не только города Ногайска, но и по всей Таврической губернии «без платежа гильдейских податей» [8, с. 564–566]. Императорский указ, гласивший о почти безудержном желании ногайцев построить город Ногайск и заселить его на деле не подтвердился: ногайцы не спешили заселять город. Таким образом, к 1825 г. в городе было всего 34 дома и 298 жителей [10, с. 66–67], основная часть которых была представлена «малороссийской и великороссийской породой».

Построенный город Ногайск не оправдал надежды российского правительства. Например, количество урожая, собранного с полей принудительно новоиспеченных земледельцев-ногайцев, в 1830-е гг. не превышало 19 тыс. четвертей, а далее вовсе снижался [16, р. 288]. Ограничение свободы передвижения пагубно сказывалось на скотоводческом хозяйстве ногайцев, которое сохраняло подвижный характер и было подвержено рискам из-за природных катаклизмов. Летом 1824 г. саранча опустошила поля и пастбищные угодья, вследствие чего у ногайцев катастрофически сократилось поголовье лошадей (с 53614 до 17158) и рогатого скота (с 101636 до 58209), собрано было 2710 четвертей пшеницы, 329 – ржи, 1222 – ячменя; 4370 чел. оказались в крайне бедственном положении [2, с. 102]. Для приобщения ногайцев к оседлой жизни в 1811 г. в селении Обиточном (далее ставшем городом Ногайском) был разбит общественный сад с яблонями, грушами, абрикосами, шелковицей и др. По мнению пристава де Мезона, сад должен был послужить местом для приобретения навыков и опыта ведения земледелия и садоводства [10, с. 41–42, 127].

Судя по многочисленным документальным материалам, понятно, что основным камнем преткновения в вопросе заселения ногайцев в города и поселки служило отсутствие плана перехода кочевнического скотоводства к стационарному, хотя это все равно привело бы к сокращению поголовья скота, а скот был основным богатством ногайцев. Естественно, идея отобрать у ногайцев возможность заниматься главным делом – скотоводством, кото-

рым они владели искусно, уделяли ему свое основное время, ничего не предложив взамен, заселить их в города была нереалистичной. Таким образом, прекрасный сад в Ногайске, вызывавший восхищение современников, уже в 1850-е гг. пришел в запустение, а затем бесследно исчез. Согласно переписи 1897 г., в Ногайске проживало 4140 чел., из них русские составляли 58,5 %, украинцы – 16 %. После установления советской власти Ногайск получил статус села, а в 1964 г. преобразован в поселок городского типа Приморское. В 1996 г. был восстановлен статус города, который стал называться Приморском. От старого топонима осталось название Ногайского сельскохозяйственного техникума в г. Приморске (сейчас Ногайский колледж Таврического государственного агротехнологического университета). Процесс оседания приазовских ногайцев длился больше двух десятилетий и сопровождался скрытыми формами противодействия. Окончательный переход к оседлости произошел после 1838 г. в результате природного катаклизма. Миграция приазовских ногайцев в Султанскую Турцию 1860 г. подвела окончательный итог безуспешной политики их интеграции в социально-политическое, экономическое и культурное пространство Российской империи [2, с. 105].

Политический расчет и интриги верхушки великих держав XVIII в. (Российская империя, Османская Порты) унесли жизни многих ногайцев, были уничтожены национальное единство и самобытность, разрушены крепости, поселения, архитектурные сооружения (мечети, караван-сарай. – А.А.). Недостаточность специальной литературы и источников не позволяет нарисовать полную картину города-крепости Ени-Копыл, но, исходя из вышеизложенного, несомненным является факт принадлежности крепости ногайцам. Несмотря на то, что город был разрушен в 1775 г. сераскиром ногайцев Тохтамыш-Гирей-султаном, археологические раскопки на территории современного города Славянска-на-Кубани выявили бы много интересных фактов о крепости, поскольку сегодня от крепости не осталось даже руин. Разумеется, строительные сооружения и поселения кочевников не имеют таких широких масштабов и разнообразия, как у оседлых народов, но все же поселения ногайцев, на наш взгляд, представляют невероятно интересный комплекс с самобытным этническим колоритом. Лицезреть их в XXI в. мы, к сожалению, не имеем возможности.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339.
2. Грибовский В.В. Город Ногайск и ногайцы // Фронтيري міста. Історико-культурологічний альманах. Вип. 4. Дніпропетровськ, 2015.
3. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв.: политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами: дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2001.
4. Короленко П.П. Новоджерельевский ногайский поселок // Известия общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар, 1902. Вып. III.
5. Короленко П.П. Татарское селение Ады. Известия общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар, 1902. Вып. III.
6. Лопин К.Б. Ени-копыл в середине – конце XVIII в. // Успехи современной науки. Белгород, 2016.
7. Пейсонель К. // Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. / сост., введение, вступ. ст. к текстам и прим. Д.С. Кидирниязова. Махачкала, 1999.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 19.
9. Решитько Б.Т. Старый Копыл // Копыл. 2012. № 3. С. 30–34.
10. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 гг.) Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. Т. 48.
11. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. Краснодар, 1986.
12. Тунманн И. // Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. / сост., введение, вступ. ст. к текстам и прим. Д.С. Кидирниязова. Махачкала, 1999.
13. Фелицын Е.Д. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории западно-кавказских горцев // Кубанский сборник. 1891. Т. 2.
14. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. 1899. Т. 5.
15. De Goureff. De la civilization des Tatars Nogaïdans le midi de la Russie europeene. Charcow, 1816.
16. Hommaire de Hell Xavier. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie meridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. Paris, 1843. Т. I.

* * *

1. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. F. 249. Op. 1. D. 339.
2. Gribovskij V.V. Gorod Nogajsk i nogajcy // Frontiri mista. Istoriko-kul'turologichnij al'manah. Vip. 4. Dnipropetrovs'k, 2015.

3. Kidirnijazov D.S. Nogajcy v XV–XVIII vv.: politicheskie, jekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimootnoshenij s sopredel'nymi stranami i narodami: dis. ... d-ra ist. nauk. Mahachkala, 2001.

4. Korolenko P.P. Novodzherel'evskij nogajskij poselok // Izvestija obshhestva ljubitel'j izuchenija Kubanskoj oblasti / pod red. V. Sysoeva i A. D'jachkova-Tarasova. Ekaterinodar, 1902. Vyp. III.

5. Korolenko P.P. Tatarskoe selenie Ady. Izvestija obshhestva ljubitel'j izuchenija Kubanskoj oblasti / pod red. V. Sysoeva i A. D'jachkova-Tarasova. Ekaterinodar, 1902. Vyp. III.

6. Lopin K.B. Eni-kopyl v seredine – konce XVIII v. // Uspеhi sovremennoj nauki. Belgorod, 2016.

7. Pejsonel' K. // Nogajcy v izvestijah russkih, zapadnoevropejskih i vostochnyh avtorov XV–XVIII vv. / sost., vvedenie, vstup. st. k tekstam i prim. D.S. Kidirnijazova. Mahachkala, 1999.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1. SPb., 1830. T. 19.

9. Reshit'ko B.T. Staryj Kopyl // Kopyl. 2012. № 3. S. 30–34.

10. Sergeev A. Nogajcy na Molochnyh vodah (1790–1832 gg.) Istoricheskij ocherk // Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. Simferopol', 1912. T. 48.

11. Solov'ev V.A. Suvorov na Kubani. Krasnodar, 1986.

12. Tunmann I. // Nogajcy v izvestijah russkih, zapadnoevropejskih i vostochnyh avtorov XV–XVIII vv. / sost., vvedenie, vstup. st. k tekstam i prim. D.S. Kidirnijazova. Mahachkala, 1999.

13. Felicyn E.D. Zapadno-Kavkazskie gorcy i nogajcy v XVIII stoletii po Pejsonel'ju. Materialy dlja istorii zapadno-kavkazskih gorcev // Kubanskij sbornik. 1891. T. 2.

14. Felicyn E.D. Nekotorye svedenija o srednevekovyh genuejskih poselenijah v Krymu i Kubanskoj oblasti // Kubanskij sbornik. 1899. T. 5.

To the issue of the forgotten settlements of Nogai in Chernomoriya in the late XVIII – mid. XIX centuries

Based on the scientific literature and numerous documentary material, the article deals with the history of settlements of the Nogaiin Kuban and the Crimean Peninsula of the period under consideration.

Key words: *Russia, Turkey, the Crimea, Kuban, the Nogais, towns, cities.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2017)

А.М. СУББОТИНА
(Ижевск)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.***

Рассматриваются противоречивые последствия в положении учебных заведений и общественных настроениях региона в период 1914–1917 гг. под влиянием войны и революции. На фоне ухудшения материального, финансового, кадрового обеспечения наблюдалось увеличение нагрузки на школы, гимназии, университеты. Необходимость решать новые задачи способствовала активизации демократических настроений и выстраиванию взаимодействий с местным населением.

Ключевые слова: *история России, учебные заведения, народное образование, культурно-просветительская работа, благотворительность.*

Первая мировая война 1914–1918 гг. и революция 1917 г. в силу своей значимости для развития России всегда были в центре внимания историков. Отмечаемые в последние годы столетние юбилеи этих событий стали дополнительным поводом для широкого обсуждения этого сложного этапа в истории страны, появления серьезных исследований, публикации и оцифровки источников и их представления в залах музеев и библиотек. Во всем этом обширном материале обычно основной акцент делается на военных действиях, мобилизационных мероприятиях, политической борьбе. Между тем, несмотря на тяжелые военные и революционные условия, основные учреждения, обеспечивающие нужды населения, не прекратили свое существование и продолжали работать. Более того, они играли важную роль, организуя и информируя жителей регионов страны, формируя у них определенное отношение к происходившим событиям. Именно с этих позиций в настоящей статье осуществляется изучение образовательных учреждений Казанского учебного округа (Астрахан-

* Публикация подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований УРО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-6 «Модернизационные стратегии социальных трансформаций российской периферии (XVIII – начало XXI в.)».